

Аркадий Аверченко

Рассказы циника

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-7
ББК 84-7
А19

А19 **Аверченко А.Т.**
Рассказы циника / Аркадий Аверченко – М.: Книга по Требованию, 2022. –
260 с.

ISBN 978-5-458-17149-6

Под общим руководством профессора Е.А. Ляцкого. Сборник юмористических рассказов.

ISBN 978-5-458-17149-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ИСКУССТВО И ПУБЛИКА

(Вместо предисловия)

Вы — писатели, актеры и живописцы! Вы все (да и я тоже) пишете, играете и рисуете для того многоголового таинственного зверя, который именуется *публикой*.

Что же это за таинственный такой зверь? Приходило ли кому-нибудь в голову математически вычислить средний культурный и эстетический уровень этого «зверя»?..

Ведь те, с которыми мы в жизни встречаемся, в чьем обществе вращаемся, кто устно по знакомству разбирает наши произведения — эти люди, в сущности, — не публика. Они, благодаря именно близости к нам, уже искушены, уже немного отравлены сладким пониманием тонкого яда, именуемого «искусством».

А кто же те, остальные? Та Марья Кондратьевна, которая аплодирует вам, Шаляпин, тот Игнатий Захарыч, который рассматривает ваши, Борис Гри-

горьев, репродукции в журнале «Жар-Птица», тот Семен Семеныч, который читает мои рассказы.

Таинственные близкие незнакомцы — кто вы?

Недавно я, сидя на одном симфоническом концерте, услышал сзади себя диалог двух соседей по креслу (о, диалог всего в шесть слов).

— Скажите, это — Григ?

— Простите, я приезжий.

Этот шести-словный диалог дал мне повод вспомнить другой диалог, слышанный мною лет двенадцать тому назад; не откроет ли он немного ту завесу, за которой таинственно прячется «многоголовый зверь»?

Двенадцать лет тому назад я сидел в зале Дворянского собрания на красном бархатном диване и слушал концерт симфонического оркестра, которым дирижировал восьмилетний Вилли Ферреро*).

Я не стенограф, но память у меня хорошая... Поэтому, постараюсь стенографически передать тот разговор, который велся сзади меня зрителями, тоже сидевшими на красных бархатных диванах.

— Слушайте, — спросил один господин своего

*) Этот крохотный гениальный мальчик разъезжал по России, с огромным успехом в годы 1911—1913 выступая, как дирижер огромного симфонического оркестра. Впечатление от его концертов было потрясающее. Несколько лет тому назад Вилли Ферреро умер. (Прим. автора).

знакомому, прослушав гениально проведенный гениальным дирижером «Танец Анитры». — Чем вы это объясняете?

— Что?

— Да вот то, что он так замечательно дирижирует.

— Простой карлик.

— То-есть, что вы этим хотите сказать?

— Я говорю — этот Ферреро — карлик. Ему, может быть, лет сорок. Его лет тридцать учили-учили, а теперь вот — выпустили.

— Да не может этого быть, что вы! Поглядите на его лицо! У карликов лица сморщенные, старобразные, а у Вилли типичное личико восьмилетнего шалуна, с нежным овалом и пухлыми детскими губками.

— Тогда, значит, гипнотизм.

— Какой гипнотизм?

— Знаете, который усыпляет. Загипнотизировали мальчишку и выпустили. Махай, мол, палочкой.

— Позвольте! Все ученые заявили, что под гипнозом человек может делать только то, что он умеет делать и в нормальной жизни. Так, например, девушку можно под гипнозом заставить поцеловать находящегося вблизи мужчину, но никак нельзя заставить говорить ее по-английски, если она не знала раньше английского языка.

— Серьезно?

— Ну конечно.

— Тогда все это очень странно.

— В том-то и дело. Я поэтому и спрашиваю: чем вы объясняете это?

— Может, его мучили?

— Как мучили?

— Да вот, знаете, как маленьких акробатов... Рассказывают, что их выламывают и даже варят в молоке, чтобы у них кости сделались мягче.

— Ну, что вы! Где же это видано, чтобы дирижера в молоке варили?

— Я не говорю в буквальном смысле — в молоке. Может быть, просто истязали. Схватят его за волосы и ну терзать: «дирижируй, паршивец!» Плачет мальчик, а дирижирует. Голодом морят тоже иногда.

— Ну, что вы! При чем тут истязания. Вон даже клоуны, которые выводят дрессированных петухов и крыс, — и те действуют лаской.

— Ну, что там ваша ласка! Если и добиваются лаской, так пустяков — петух, потянув клювом веревку, стреляет из пистолета, а крыса расхаживает в костюме начальника станции. Вот вам и вся ласка. А здесь — маленький мальчуган дирижирует симфоническим оркестром! Этого лаской не добьешься.

— Значит, по-вашему, его родители истязали? Странная гипотеза! — Он обиженно пожал плечами.

— Значит, по-вашему, выходит так: берем мы обыкновенного миловидного мальчика, начинаем истязать, колотить его по чем попало — и мальчишка через год—два уже дирижирует симфоническим оркестром так, что все приходят в восторг?!.. Просто же вы смотрите на вещи.

— Виноват! Вы вот все меня спрашиваете: объясни, да объясни. А как вы сами объясняете?

— Что? Вилли Ферреро?

— Да-с.

— Тут если и может быть объяснение, то гораздо сложнее. Последние завоевания оптической техники...

— Вы думаете — посредством зеркал?

— То-есть?

— Знаете, зеркало под известным углом... Фокусники достигают того, что...

— Нет-с, это пустяки. А видел я летом в «Аквариуме» механического живописца. Маленький человек, который собственноручно портреты с публики писал. Представьте себе, я узнал как это делается: он соединен электрическим проводом с настоящим живописцем, который сидит за кулисами и рисует на другой бумаге. И что же вы думаете! Устроено так, что маленький живописец гениально точно повторяет все его движения и рисует очень похоже.

— Позвольте! Механического человека можно

двигать электричеством, — но ведь Ферреро живой мальчик! Его даже профессора осматривали!

— Гм! Пожалуй. Ну, в таком случае — я прямо отказываюсь понимать: в чем же тут дело?!..

Я не мог больше слушать этого разговора.

— Эй, вы, господа. Все, что вы говорили, может быть, очень мило, но почему вам не предположить что-либо более простое, чем электрические провода и система зеркал...

— Именно?

— Именно, что мальчик — просто гениален!

— Ну, извините, — возразил старик — автор теории об истязании. — Вот именно, что это было бы слишком простое объяснение!

Подумайте только: на красном диване позади меня сидели люди, для которых мы пишем стихи, рассказы, рисуем картины, Шаляпин для них поет, а Павлова для них танцует.

Не лучше ли всем нам, танцующим, поющим и пишущим, с Шаляпиным и Павловой во главе, заняться оптовой торговлей бычачьими шкурами? Я знаю немного бухгалтерию — возьму на себя ведение конторских книг.

А Вилли Ферреро будет у нас мальчишкой на посылках, — относить счета заказчикам... А?

Д Ж И У - Д Ж И Т Ц У

Общий друг и приятель, Саша Кувырков, вошел в комнату, оглядел снисходительно всю компанию и очень бодро воскликнул:

— Ну, вы! Червяки дождевые! Что сидите, нахохлившись? Нужно быть радостными, бодрыми и здоровыми! Спортom нужно заниматься.

Это было что-то новое...

Все подняли головы и вопросительно поглядели на Сашу.

— Это ты с каких же пор стал спортсменом? — осведомился долговязый художник Бачкин.

— Я-то? Меня, братцы, всегда к этому тянуло. Что может быть лучше гармонически развитого тела... И теперь... Вы знаете, я будто снова на Божий свет родился...

— Господи! Еще раз! Нам тебя и одного раза было довольно.

Актер Челябинский сморщил бритое лицо в тысячу складок и попросил:

— Когда будешь в третий раз рождаться, предупреди нас: мы выйдем из комнаты.

— Вы — лошади! Поймите вы, что с тех пор, как я стал изучать Джиу-Джитцу, я хожу, дышу и говорю по-новому.

— Чего-о?

— Что — «чего»?

— Как ты сказал, какое слово?

— Джиу-Джитцу. Японская борьба.

— Ага! Очень приятно. Садитесь.

— Эх, вы, деревянные мозги! Вы все готовы высмеять, над всем вы издеваетесь, а того не знаете, что Джиу-Джитцу такая борьба, в которой маленький хрупкий человек расшвыряет трех больших верзил.

— Что ты говоришь, Саша?!

— Вправду, Саша?

— А, что мне с вами говорить! Я вас просто отошлю к Ганкоку!

— Хорошо, что не дальше.

— Кто же этот удивительный Ганкок?

— Ганкок? О, это, братцы, человек! Он систематизировал и привел в порядок весь огромный материал по истории борьбы Джиу-Джитцу.

Раздались восторженные восклицания:

— Какой молодец!

— Тебе бы так.

— Обязательно запишу его имя в поминовение за здравие.

— Боже, как вы омерзительны своей самовлюбленной тупостью. Я вам говорю серьезно, я раскрываю перед вами одно из лучших сокровищ великого японского народа, а вы хрюкаете, как меланезийские дикари над граммофоном!

— Слава Богу! Наконец-то Кувырков вышел из себя.

— Да право! Я, может быть, и сам раньше думал, как вы, но, когда приступил к изучению Джиу-Джитцу, я благоговейно преклонил голову.

— Ну, не волнуйся, чужак. Расскажи лучше, в чем там дело?..

— Понимаете, это все основано на изучении мускулов и нервных центров человеческого тела. Нажатием известного места на тыльной части кисти руки можно, например, парализовать всю руку и привести человека в беспомощное состояние.

— А ну, покажи.

— Хорошо. Дай-ка ты, Володя, свою руку. Да не бойся, чужак! Джиу-Джитцу тем и хорошо, что без злой воли не наносит членовредительства. Давай руку, Володя, не бойся.

— Я не боюсь, — простодушно сказал Володя, протягивая руку.

— Ну, вот... Видите это место? Тут, между

двумя суставами. Ну, вот — я нажимаю это место... больно?

— Нет, ничего. Только ты потем не дави.

— Я не давлю, Боже меня сохрани. Больно? Чувствуешь ты, как рука постепенно немеет?

— Нет, как-будто ничего.

— Постой... Ах, да. Я не ту руку взял. Дай другую.

— На.

— Ну, вот. Больно?

— Да, как-будто немножко больно, — сказал добряк Володя, сжалившись над пыхтящим, измученным Сашей Кувырковым.

— То-то и оно. Это еще ничего. А то есть страшные вещи: ребром ладони, если ударить наискосок, можно переломить руку.

— Чью? — робко спросил кто-то.

— Понятно, чужую. Что за идиотский вопрос. А вы знаете, например, лучший способ обезвредить противника, не трогая его пальцем?

— Нет, нет! Покажи, Саша.

— Ну, вот, скажем, возьмем Бачкина. Пойди сюда, Бачкин. Вот, например, Бачкин подходит ко мне с намерением напасть на меня. Подходи, Бачкин, с намерением напасть на меня.

— Ну, подходи же, Бачкин, — поощрительно зашумела заинтересованная компания. — Подходи, не бойся.